

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ОМСКА

И после основания нашего города жизнь Бухгольца продолжала оставаться бурной

На окраине державы

То, что для Бухгольца (давайте не станем увливать от правды) было ссылкой, для омичей является большим везением. Мы имеем еще один повод гордиться родоначальником своего города. Комендант Нарвы - должность заметная, но не созидательная. Другое дело восток нашей страны в первой четверти XVIII века. Край для русских мало знакомый, необустроенный и почти не заселенный. Далеко от обеих столиц, от интриг. Тут человек ценился по делам. Навсегда тут оставались порядочные и сильные люди. Минимум зависимости, максимум возможностей. Хитрецов тоже хватало, но ими восточная окраина рассматривалась как эпизод, как ступенька в карьере, как подтверждение верности царю-батюшке, ради которого в эвон какую даль поехал. А слабые тут ломались. Да и не очень слабые. Для примера укажем на Ганнибала, известного больше как арап Петра Великого, брошенного в те же края после смерти Петра. Если бы не поддержка Бухгольца, еще не известно, как сложилась бы судьба предка самого знаменитого русского поэта. Кто знает, была б она или нет столь же удачлива.

Про Бухгольца мы можем точно сказать: выстоял и построил. Построил Кяхту, пограничный пункт на русско-китайской границе, который позже превратится в знаменитый купеческий город. Кяхта всего на десять-двенадцать лет моложе Омска.

И если место для Кяхты Иван Дмитриевич выбирал на пару с графом Владиславичем-Рагузинским, направленным для переговоров по определению русско-китайской границы, то ответственность за строительство полностью лежала на полковнике - строителями на первых порах были солдаты его полка. Через Кяхту в Россию шли чай, сахар, ткани, а из России - пушнина, металл. С 1728 года полковник Бухголец не только командир Якутского полка, он еще и глава Генерального пограничного управления. На нем лежат задачи по разрешению пограничных споров, обустройству границы. Появилась прекрасная возможность обогатиться, ведь вся пограничная торговля в руках, а он живет с семьей, женой и дочерью при полку в казенной квартире.

В 1731 году ему присваивается звание бригадира. Одновременно назначается комендантом Селенгинской крепости. Это неподалеку от современной российско-монгольской границы. В XVIII веке территория нынешней Монголии находилась в составе Китайской империи.

Пройдет еще девять лет. По ходатайству сибирского вице-губернатора

Город, возникший как ответ на неудачу в военном походе, и впредь оставался надежной составляющей страны. Центр Степного края, отправная точка для всех экспедиций, уходящих в Азию, столица белого движения, кузница оружия в Великую Отечественную войну и в войну холодную. Во многом, думается, роль города в истории России связана с местом его расположения. С устьем Оми. Эта река являлась южной границей Сибирского ханства, данника Руси в XVI веке. То есть, по сути, Сибирское ханство входило в состав русского государства. Основанием города Бухголец раз и навсегда положил конец территориальным спорам между кочевниками и Русью, которые свыше ста лет приводили к стычкам и локальным войнам.

Ланга бригадира Бухгольца в связи с плохим здоровьем («древен и болезнь в ногах имеет»), отправят в отставку. А перед отставкой, такова была традиция, его повысят в чине, присвоив звание генерал-майора.

Вскоре, так и хочется написать - «после выхода на заслуженный отдых», в 1741 году, Иван Дмитриевич покинет этот мир.

Надо продолжать поиски

И тут снова начинаются загадки. Точная дата и место его погребения до сих пор не установлены. Неизвестно и где покоится его прах. В европейской ли части России, где были имения рода Бухгольцев? В Омске ли, городе, который основал Иван Дмитриевич? Или на кладбище Селенгинска?

Известный омский краевед и писатель Иван Петров допускает, что прах Ивана Дмитриевича покоится на месте бывшей Ильинской церкви (за памятником Ленина в сторону Музыкального театра), о чем ему сообщали многочисленные корреспонденты. Против этой версии резко выступает другой известный омский краевед Иван Шихатов, указывая, что место захоронения лютеранина Бухгольца не может находиться в пределах православного храма. Впрочем, в отношении вероисповедания и национальной принадлежности Бухгольца среди омских краеведов единого мнения пока не сложилось.

Большинство исследователей, включая и упоминавшегося выше Шихатова, считает, что, вероятнее всего, Иван Дмитриевич похоронен на кладбище Селенгинска.

Обнаружить могилу вроде бы проще простого, лишь стараний приложить немного. Съездил в Селенгинск, походил по кладбищу, нашел каменную плиту с фамилией Бухгольца, генерал-майор все ж, ведь не под простым деревянным крестом его положили бы. И нет исторической загадки. Надо отдать должное, что омичи в поисках могилки Бухгольца в Селенгинск ездили: профессор Фиалков, писатель Утев, краевед Петров и другие. Но загадка осталась загадкой. Своенравная река Селенга, на правом берегу которой стояла крепость, сыграла свою роль. Постоянное подмывание берега, весенние наводнения вынудили жителей Селенгинска (или теперь Староселенгинска) перебраться на противоположную сторону реки и

основать там Новоселенгинск. Кладбище оказалось заброшенным. Кроме того, по нему не раз и не два прошлись вандалы. Время по кладбищу тоже пришлось не лучшим образом. Многие могильные плиты закрыты толстым слоем песка или мха.

И все же, пусть по косвенным признакам, можно судить, что Иван Дмитриевич из Забайкалья не выезжал. Об этом убедительно говорят результаты многолетних исследований краеведа Демина из Улан-Удэ, который любезно поделился с «Омской правдой» своей информацией. Из документов, которыми располагает бурятский краевед, следует, что Иван Дмитриевич продолжал исполнять обязанности коменданта Селенгинской крепости и после 2 марта 1740 года, то есть даты официальной отставки, потому что в адрес Бухгольца продолжали поступать поручения от Сената. Последнее из них датировано 15 июня 1740 года. Кроме того, Демин нигде не нашел ссылки на передачу дел новому коменданту - бригадиру Якобия, который мог приехать в Селенгинск не раньше января или февраля 1741 года. В эти месяцы устанавливается ледяная переправа через Байкал. Демин указывает, что если бы Бухголец, отправляясь в родовое имение, проезжал через Иркутск, а другой дороги тогда в Европу из Селенгинска не существовало, то об этом обязательно имелись бы записи в многочисленных документах. Ранг у него высокий. Незаметно не проедешь. Подтверждением тому служит следующий факт: проезды нового коменданта Селенгинской крепости бригадира Якобия через Иркутск документированы подробно. И тело Бухгольца для захоронения в Омске или в имении на территории европейской части страны тоже, не сделав соответствующих пометок в документах, провезти было невозможно.

О том, что могила Бухгольца находится на древнем кладбище старого Селенгинска, в 1987 году указывал известный бурятский историк Туготов. Он в статье «Пушкин и Бурятия» писал: «В 1958 году был отправлен в Староселенгинск известный краевед, учитель и журналист Сергей Иннокентьевич Глазунов. Глазунов наткнулся на надгробную плиту И. Бухгольца - основателя Омской крепости».

Поиски, видимо, надо продолжать.

Виктор Гомошилов
Фото автора

В начале мая 1716 года
на этом месте высадился
отряд под командованием
подполковника
Ивана Дмитриевича
Бухгольца
и положил основание
Омской крепости

Памятная доска на речном вокзале.

Многим омичам кажется, что после похода за азиатским золотом, в результате которого возник Омск, в судьбе основателя нашего города больше ничего великого не происходило. Происходило. Не тем человеком был Иван Дмитриевич, чтоб жить спокойно.

Трудные годы

На его долю хватило всякого. Сразу после закладки Омской крепости ему на одном терпении пришлось держаться несколько лет. С 1716 по 1723 год он не знал вечером, что готовит день завтрашний. Жизнь была, роняла, поднимала и снова швыряла наземь. Вскоре после похода Бухголец участвует в не очень благородном с сегодняшней точки зрения деле - в суде над царевичем Алексеем, сыном Петра Первого. Затем давал отчет Сенату по результатам азиатского похода за золотом по Иртышу. По сути, под следствием находился. Оправдан. Но важных дел ему не доверяют. Мог бы и в отставку податься. В 1721-м ему исполнилось пятьдесят. Именно есть. Наслаждайся по утрам чаем с пирогами и пением птичек. А он пороги военного ведомства обивает, службу просит.

Наконец все устроилось. Его жизнь вошла в привычную колею - колею военного человека. Иван Дмитриевич получил назначение в коменданты Нарвы, крепости рядом с Петербургом. В 1724 году его переводят в Восточную Сибирь, в Забайкалье. Повышают в звании, теперь он полковник. Назначают командиром Якутского полка, который он же, Бухголец, сам и формирует.

Трудно сказать, почему его, человека в возрасте, из Нарвы бросили на восточную окраину державы. В безлюдье. То ли не угодил кому-то, то ли слово неприятное для кого-то сказал. Характер-то, судя по биографии, имел незатейливый, мужицкий. За словом в карман не лез, интриг не строил, не лизоблюдничал. Понятно, что из Нарвы, расположенной неподалеку от столицы, выехать, даже по нынешним временам - на край света, его не страсть к странствиям заставила. И не было то назначение для полковника Бухгольца наградой. А чтоб подсластить пилюлю, ему присвоили звание полковника.

ГОРОД В УСТЬЕ ОМИ

Рука у Ивана Дмитриевича была легкая. Кроме Омска и Кяхты он заложил еще несколько населенных пунктов. Но Омск, миллионный город, конечно же, остается главной вехой на жизненном пути Бухгольца.

В чем-то характер основоположника передается и городу. Те же терпение и трудолюбие. Нет у нас под боком ни морей, богатых рыбой, ни крупных месторождений. Так уж сложилось, что не получили мы подарков от природы, а все наше благополучие строится на чистом труде.